

Фото: Радик Юсифов

Клара Лучко: «В детстве меня звали Жирафой»

Ее называют «трижды казачка» — по самым знаменитым ролям в кино и по происхождению. А живет «подруга степей» в интерьере вовсе не спартанском, а очень даже пафосном, правда, по-советски — в престижной высотке на Котельнической. Мы сидим за круглым столом в залитой солнцем столовой... А за дверью надывается в вынужденном изгнании любимец и баловень семьи — восьмилетний коккер Бонифаций. Под аккомпанемент «гав-гав» в стиле «нон-стоп» и протекал весь разговор с народной артисткой...

АТАМАНША

Наталья БОБРОВА

— Клара Степановна! Объясните обществу, почему все ахают, когда вы появляетесь в обществе? Как вам удается так удивлять народ? Откуда эти головокружительные туалеты?

— Вкус нельзя воспитать — надо с ним родиться. Неважно, в какой семье — интеллигентной или простой. Проявляется то, что внутри. Каждая женщина должна себя знать и понимать, кто она такая. Допустим, продается что-то очень модное. Но я-то вижу, что в этом невыгодно выглядеть. Никогда не куплю!

Я не гоняюсь за модой — надеваю только то, что идет. Одежда должна не поглощать человека, а выделять его, подчеркивать. Потому, наверное, люблю оригинально одеваться. Да, иногда вызываю удивление. Но это, наверное, от профессии — актер всегда что-то изобретает, придумывает... Как роль делаешь...

Я люблю шляпы. Помню себя студенткой, когда не было денег на чулки: как весна — уже ходила на босу ногу, но в шляпе! Недавно смотрела свои студенческие фотографии — я везде в шляпах! Шляпа заканчивает образ. Вот недавно в

Канаде купила платье... И совершенно неожиданно увидела берет такого же цвета с перьями... И получился оригинальный туалет.

— А всякие стилисты-визажисты...

— Я сама себе и стилист, и визажист.

— А правда, что вас в детстве звали Жирафой?

— Да, потому что я всегда была самой высокой в классе. Такая длинная шея... Уже в пятом классе у меня было 170 сантиметров!

— Вы переживали?

— Конечно. Я сидела на последней парте и даже сутулилась. Потому что, когда возвышаешься, учитель сразу вызывает... Поэтому и садилась подальше. Но мне всегда легко давалась учеба. И в институте тоже.

— Во ВГИКе вы учились у Сергея Герасимова. И совсем юной актрисой поехали на Каннский фестиваль. Это в те-то годы! Правда, что там вам Любовь Петровна Орлова подстригала челочку?

— Да... Мы возили туда картину "Возвращение Василия Бортникова" Пудовкина. И тогда я носила такую прическу — гладко зачесанные волосы и "кичку" сзади... В этом тоже был стиль. И кстати, его оценил даже Григори Пек, с которым я познакомилась и подружилась в Москве много

лет назад. И потом, когда я была в Америке по приглашению киноакадемии, меня там спросили: "Кого вы знаете?" Я отвечаю: "Грегори Пека". Мне не поверили. Но мы там снова встретились. Так вот, я уже была блондинка с короткой стрижкой. И он сказал: "Как жалею! Потому что представлял себе героиню Достоевского именно такими, как я видел вас тогда в Москве..." С короткими волосами я стала, как все. Тут был мой просчет.

— А что за история с разбитой в Канне витриной?

— Об этом много писали... Как-то на набережной Круазетт любители автографов навалились на меня и прижали спиной к витрине магазина... И я выдавила ее... Тут же операторы появились, начали снимать в хронику фестиваля... Я, конечно, пришла в ужас... Подумала: "Боже! Мне, наверное, придется заплатить за нее..." Прибежал хозяин и сказал: "Мадемуазель, не беспокойтесь, это же мне реклама!"

— Клара Степановна, кого вы только не играли в кино — от колхозниц до шекспировских близнецов! Но народ все равно вас помнит в основном казачкой Дашей Шелест из "Кубанских казаков" — раз, Клавдией из "Цыгана" — два...

— Почему? "Двенадцатая ночь" тоже была

чень популярна. Там мы играли с Амлой Ларионой. И я получала много писем. Поклонники разделились: одним больше нравилась Алла, другим — я. Казалось бы, Шекспир — автор, согласитесь, не совсем для простых женщин, которые любят мелодраму и все такое прочее. Но ведь полюбили! Даже когда в деревню приезжаешь — женщины признаются: “Ой, я помню, как ты мальчика с девочкой играла!” Шекспир это или кто другой — бабка не знает. Но ей нравятся мальчик и девочка! А другая говорит: “Я как увижу тебя в телевизоре — так подойду и чмокну!”

— Но я к чему... Когда вас называют “тройной казачкой” — это верно? Что-нибудь казачье в себе еще ощущаете?

— Действительно, мои предки Лучко — это “лучники”, запорожские казаки. А в характере что-то есть у меня, наверное, турецкое... Я всегда много ездила... Но почему-то мне всегда особенно хотелось в Турцию, где я никогда не была. И только сравнительно недавно там оказалась. Когда мы туда приплыли на теплоходе первый раз — даже волновалась. Правда, ничего удивительного там не обнаружила... Но решила, что это все-таки зов предков...

— А на Клавдию вы характером похожи?

— Много общего. Она ведь тоже казачка. Но донская. У казаков есть чувство достоинства, своей независимости. Это важная черта характера. Что бы ни случилось — надо выйти из любой ситуации достойно. И у меня это тоже в крови. Я не выношу никакого насилия. Никаких приказов. Если кто-то давит на меня — кровь сразу бросается в голову...

Когда я была совсем молодой актрисой, снималась в картине “Донецкие шахтеры”. И однажды солдаты пришли в павильон посмотреть съемку. И режиссер решил на людях показать, какой он начальник, и стал кричать на меня ни с того ни с сего. Я повернулась, посмотрела на него с возмущением и сказала: “Не смейте на меня кричать!” И ушла.

— А казаки умеют терпеть?

— На мне до-о-о-о-о можно ездить. Я как-то все терплю. Потом наступает момент, когда я говорю: “Так. Все. Этот человек для меня не существует”. Но терпеть могу годами — до определенной черты.

— А стоит ли вообще женщине терпеть?

— Если рубить сразу, сплеча — много дров получишь. Это не всегда обдуманно, правильно. Решение, как говорят, надо переспать. И утром снова подумать.

Что такое терпение? Это возможность понять, примириться, найти какой-то выход из ситуации. Какая-то разумность должна быть. Каждый в семье должен терпеть... И обязательно понять. И если на каждом слове вспыхивать и посылать... Или разводиться-раздвужиться — это не метод...

— Даже если муж бьет?

— Ну это уже экстремальный вариант. Зачем здесь терпеть? Надо уходить или как-то по-другому решать...

— Чем для вас был Театр киноактера — наградой, крестом?

— Нет-нет. Это был мой дом. Я туда пришла после института, который закончила с отличием. И работала там много лет — до тех пор, пока он

С Клавдией у нас много общего. Она ведь тоже казачка. Но донская.

не распался. Теперь я туда НИКОГДА не войду, даже если меня пригласят... Понимаете, я не могу переступить порог этого здания... Это не ТОТ театр, в котором я жила.

— А почему вас не видно в рекламе, Клавдия Степановна?

— Никогда не буду!

— Брезгуете?

— Нет... Почему? Люди зарабатывают. Это личное дело каждого. Но я актриса. И не хочу тиражироваться в трех фразах типа “Милая Мила в сени ходила” или “Приехала тетя Ася — какой чудный порошок!” Я еще не умираю с голоду. Каждый по-своему живет. Я же не могу физически через это переступить.

Для западного же актера реклама естественна. У нас свой менталитет. Там могут играть что угодно — лишь бы платили деньги. А я обойдусь...

— Кстати о Западе — чем хороши хваленые эти француженки?

— У них свои достоинства. Они пикантные, сексуальные, умеют соответствовать. Они очень точно одеваются. У них очень точный макияж, манера поведения. В женщине чувствуется какая-то загадка. Это искусство женщины и привлекает. К тому же многочисленные легенды...

В Англии на Эдинбургском фестивале я познакомилась с одним эмигрантом еще первой волны. Он все просил: “Клара, дай свою руку!” Я удивлялась: “Зачем?” — “У тебя, понимаешь, русская рука, она большая и мягкая. А у меня жена — француженка, у нее костлявая такая рука, цепкая!” Вот так он ощущал женскую надежность. Мне смешно тогда было...

— Ваш идеал женской красоты...

— Я считаю самой красивой женщиной в ми-

ре Роми Шнайдер. Для меня это идеальная красота. До сих пор помню картину “Поезд”. Трентиный там играл с ней вместе, и в финале она так кладет голову на его руку... Такой план красоты необыкновенной... Его забыть невозможно.

— А у вас своя красота — в семье. Какой-то прямо образцово-показательный брак с Дмитрием Мамлеевым. И это в киношной-то среде, где разводы сродни гриппу! Чем это вы так его привязали к себе, признайтесь!

(Лучко заразительно смеется.)

— Мы говорили о терпении... Когда люди живут вдвоем и любят друг друга, то, во-первых, нельзя переступить черту. Когда кто-то первый говорит “дурак”, “идиот” или “кретин”. Раз позволил себе — и пошло. Нельзя позволять переходить этот рубеж. Надо уважать человека, с которым ты живешь. Его никогда нельзя унижать. Его надо понимать. У нас с мужем совсем разные характеры. Но — во-вторых! — мы относимся к изъянам нашего характера с юмором и потому легко переносим друг друга. Он меня понимает. Понимает, что я должна ехать в экспедицию, в командировку, на концерты... Я понимаю, что он может не спать ночью и ему надо писать, что он трудно живет в это сложное время...

— Но вы ссоритесь?

— У всех бывают ссоры. Но у нас они какие-то чудные. Вспыхнем, а потом как ни в чем не бывало. Потому что вопрос-то был незначительный, а по коренным, глобальным поводам мы не ссоримся. У нас нет прислуги, я все сама делаю. Если я занята — он что-то сделает, если он — то я...

— Говорят, что вы терпите этого милого “музыкального” песика ради любимого...

— С этой собакой действительно сложно — она все время лает. Может с семи утра и до 12 ночи. Многие мои друзья не выдерживают. Я пригла-

личное дело

Родилась 1 июля 1925 года в селе Чутово под Полтавой. Отец — директор совхоза, мать — председатель колхоза. Окончила ВГИК (мастерская Сергея Герасимова). Работала в Театре киноактера, снималась в кино (более шестидесяти ролей). Муж — Дмитрий Мамлеев, журналист, председатель Российского фонда мира. Дочь Оксана окончила ВГИК и ГИТИС, в настоящее время предприниматель, вместе с сыном Сашей проживает в Торонто (Канада).

"Почетная пионерка"

Клара Лучко на кинофестивале в Липецке, 1958 год.

— Вас по-другому?

— Я не про себя говорю! Если ты сделал что-то для людей — это видно по тому, как они к тебе относятся... Профессия наша такая — публичная. Было бы странно мне сыграть 60 ролей — и никому меня не узнать. А звание — это определение твоего труда.

— Но никакое звание не спасло от августовского кризиса?

— У меня никогда не было сберегательной книжки, поэтому ничего не пропало. Денег у меня нет, я в банки ничего не носила. Я деньги трачу, живу нормально без накоплений. ...Заглядываю в ящик — там уже нет. Ах, думаю, потеряла... Но кризис ощутила по встречам со зри-

телями — они стали более редкими. У людей все меньше денег... И потом, я поняла, насколько трудно стали жить мои товарищи — актеры, режиссеры на пенсии. А какое кино они делали!

— Речь настоящего гражданина. Кстати, Клара Степановна, только честно, вы не жалеете, что столько сил отдали общественной работе — как депутат Моссовета, член бюро Гагаринского райкома партии, член парткома "Мосфильма", правления Союзов кинематографистов и т.д.?

— Нет, никогда. Я общественница со стажем. Меня всегда избирали — даже в первом классе я стала — как это? — председателем октябрят. И даже свою овчарку Рекса отдала пограничникам, хотя и было очень жалко.

У меня родители были очень чистые и честные люди. Они жили за идею — как настоящие низовые партийные работники. И папа все удивлялся, почему это я не вступаю в партию — он-то всю жизнь ей отдал. И я сделала это ради папы. Но ничуть не жалела. Да, я была членом райкома. Но это было для меня очень полезно с актерской точки зрения. Я присутствовала на приеме в партию. И наблюдала за людьми. Каждый волевался по-своему, каждый зубрил...

А когда я была депутатом Моссовета, то как председатель комиссии по культуре занималась ремонтом зоопарка, созданием театра Спесивцева, восстановлением памятников архитектуры... У нас в комиссии была масса интеллигентных людей. И мы работали ради Москвы, ради нашей культуры не за страх, а за совесть.

— А нет желания все это описать в книге, как другие артисты?

— Да, сейчас все пишут, издают... Я же всегда говорила, что я не писатель, а читатель. Но поскольку

Я люблю шляпы. Помню себя студенткой, когда не было денег на чулки: как весна — уже ходила на босу ногу, но в шляпе!

сейчас как автор я веду передачу, то стала писать... Нужно же придумать начало, финал... Муж смеется... Но я не даю ему читать. Я уже писала две тетрадки. Конечно, материала много — жизнь такая интересная. С кем я только не встречалась!

— С кем, к примеру?

— И с Фернаном Леже тоже. Видите керамику на стене? Ее он мне подарил с автографом и сказал, что я на эту женщину похожа. А эта тарелка — подарок Пикассо. Наша делегация была у него в гостях в районе Валериз на его керамической фабрике. Я увидела маленького человека в плисовых застиранных штанах, в ношенном свитере, с косыночкой на шее. Тогда он был в процессе очередного развода. Но у него совершенно потрясающие глаза — бездонные, как уголь черные! Значка не видно — он же испанец. Что-то такое было в нем магического, в этой личности неказистого вида. Он нам показывал памятник — мальчика с овцой. Были мы и в часовне, которую он разрисовал: с одной стороны — ужасы атомной войны, с другой — темы мира, плодородия, материнства...

Кстати, Неру тоже маленького роста. В Индии я была у него дома в гостях. Мы провели у него полдня. Познакомились с Индирай Ганди, с ее внуком Радживом, который потом тоже погиб. Гуляли по парку, кормили каких-то зверушек...

— А пока дайте устный казацкий совет нашим женщинам: что им, горемычным, делать в отсутствии любви и денег, чтобы по-настоящему уважать и любить себя?

— Главное — не потерять себя. Не плыть по течению. Самый легкий путь не всегда самый правильный. Надо понять, что сейчас с тобой происходит, и попытаться найти выход. Самое страшное — впадать в отчаяние, равнодушие и неверие. Это эмоции, которые нужно изгнать из себя... Надо всегда надеяться. Нельзя опускать руки. У меня тоже бывали отчаянные дни, депрессия... Но благодаря внутренней силе, вере я выбрасываю себя из этого состояния. Надо просто любить жизнь в любом ее проявлении...

Фото: Р. Рязань, Г. М. Косов

шаю: "Пойдемте ко мне". — "Боня дома?" — "Да". — "Тогда нет". Нервы у людей не выдерживают. Но я уже привыкла. И понимаю, что выхода нет.

— А доктору не показывали?

— Показывали. Сказал — у вашей собаки отклонения. И лечить нельзя. Нормальный пес не будет кусать хозяина, который его кормит, выгуливает, играет с ним! А Боня — запросто. Он может меня укусить за то, что я не позволяю ему кидаться к вам с любовью и надеждой...

— Мне кажется, у него такие умные глаза...

— Иногда тихонько стучу Боню по голове: мол, у тебя пустая башка! На самом деле он очень умный — все понимает, но делает нарочно... Всегда смотрит, как я реагирую. Кстати, обожает сниматься. Все понимает и машет хвостиком прямо в объектив. Что вы! Боня у нас первый герой-любовник!

— От темперамента которого, похоже, вы тоже заряжаетесь. А от чего еще?

— От всего понемножку. Я могу проснуться в плохом настроении. Открою жалюзи — боже мой, какой прекрасный вид из окна. Храм Христа Спасителя, купола Кремля — потрясающе... (Мы встаем и подходим к окну.) Смотрите, как в Москве-реке отражается весь Кремль. Как Тадж-Махал в Индии. А представьте, вечером — когда иллюминация, салют! Это вообще чудо! Я постою — Боже, какое счастье! И уже по-другому себя чувствую. А другой раз залюбуюсь лучом солнца на буфете... Я люблю свой дом. Сама собирала старую дубовую мебель. На улицу выйду — милая женщина идет. Скажет: "Здравствуйте! Как вы себя чувствуете?" Сразу все оттаивает внутри.

— Но народная артистка — все-таки уровень? Или уже нет?

— Когда стали говорить, что звания не нужны, то я удивилась: как же так? Я получила сначала заслуженную, потом народную РСФСР, а потом народную СССР. Я стремилась к этому. Это определение моей работы. А сейчас думаю, что в принципе это действительно не имеет значения. Важно, как тебя люди встречают. Можно назваться трижды народной и два раза лауреатом... А зрители тебя встречают — два хлопка и три прихлопа.